

71.41(2Рос)

П78

СА-362883

**ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ:**

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

**Материалы международной
научно-практической конференции
24–25 апреля 2015 г.**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«БРЯНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»

ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы международной
научно-практической конференции
24-25 апреля 2015 г.

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Брянск 2015

02-362883

- 2.11. Книги разрядные. Т.І. СПб., 1853.
- 2.12. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т.ІІ. СПб., 1852.
- 2.13. Русская историческая библиотека. Т.ІІ. СПб., 1875. Т.ХХІV. СПб., 1906. Т.ХХVІІІ. М., 1912.
- 2.14. Собрание государственных грамот и договоров. Ч.І. М., 1813.
- 2.15. Сухотин Л.М. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. (Столбцы Печатного приказа). М., 1915.
- 2.16. Сухотин Л.М. Четвертки Смутного времени (1604 – 1617 гг.). М., 1912.
- 2.17. Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М. 1909. Кн.3.

3. Литература

- 3.1. Белокуров С.А. О посольском приказе. М., 1906.
- 3.2. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113 – 7121). М., 1907.
- 3.3. Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII века. М.-Л., 1946. С.93.
- 3.4. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV – XVII вв. М., 1975.
- 3.5. Ермолаев И.П. Казанский край во второй половине XVI – XVII вв. Казань, 1980.
- 3.6. Иванов П.И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853.
- 3.7. Лихачев Н.П. Генеалогическая история одной помещицкой библиотеки. СПб., 1913.
- 3.8. Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888.
- 3.9. Холмогоров В.И. Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии. Вып. III. М., 1886.

ПОЕЗДКА А.С. ПУШКИНА В ОРЕНБУРГ В 1833 ГОДУ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Дмитрий Анатольевич Сафонов

Сказать, что поездка А.С. Пушкина в Оренбургский край в 1833 году была важным моментом в его творческой биографии, – наверное, не сказать ничего. Ни один биограф, писавший о поэте, не мог обойти вниманием этот эпизод. В определенном смысле поездка действительно знаковая – ибо из нее берут начало несколько важных произведений: создание «Капитанской дочки», «Истории пугачевского бунта» и сюжета «Ревизора». В принципе, и одного знакового момента было бы достаточно, а тут целых три.

Для биографов Пушкина эти три дня (18–20.9.1833) были лишь небольшим эпизодом его жизни, потому в особые детали никто и не углублялся. Разработка эпизода в деталях – заслуга и ответственность местных, южноуральских, прежде всего оренбургских, краеведов. Они обратились к теме ошутимо позже описываемых событий, и в качестве источников могли использовать прежде всего рассказы старожилов. В деталях (насколько это возможно) восстановлены передвижения поэта по городу и окрестностям, круг общения, действия и разговоры. В итоге кое-как скомпонованная версия происходившего, с подгонкой отдельных элементов друг к другу с помощью оговорок – «вероятно», «скорее всего» и т. п. – вышла на общероссийский уровень.

Перечень того, что в Оренбуржье Пушкин увидел или где он побывал, в принципе, можно полагать установленным и даже общепринятым – практически все отражено у В. Вересаева в его «Пушкин в жизни». Помимо фактов было создано немало легенд: именно в Оренбурге у Даля созрела мысль о составлении словаря живого великорусского языка [1, С. 62–63]; в «Медном всаднике» Пушкин использовал оренбургские впечатления: штурм города пугачевцами, просторечья в языке и т. п. [8, с. 88; 4, с. 43.]; В. Даль оказал огромную помощь Пушкину, рассказав массу интересных вещей о пугачевщине (практически все местные авторы). Хотя стоит упомянуть, что Даль приехал в Оренбург в конце июля (Пушкин – 18 сентября), причем вскоре после приезда Даль был послан в продолжительную командировку – а «возвращение Даля из этой командировки совпало с прибытием в Оренбург Пушкина» [4, с. 63–64]. Создателями многих легенд как бы внутри «оренбургского визита» были именно оренбургские краеведы, сначала члены Оренбургской Ученой Архивной комиссии (ОУАК), а потом и советского периода.

Если вернуться к установленным фактам, то обнаруживается, что факты есть, а логической взаимосвязи между ними – нет. Каждый из краеведов дает свой вариант «сборки». Интересно отметить как казус, что в 1926 г. достаточно серьезный историк А.Ф. Рязанов выступил в местном отделении ассоциации пролетарских писателей с докладом о пребывании Пушкина в Оренбурге. Стремясь создать логически непротиворечивую схему из всех известных компонентов, он в итоге был вынужден утверждать, что Пушкин был в Оренбурге «более недели» [7] – потому что только в этом случае все несостыковки исчезали.

Без сомнения, ядром визита, его сердцевиной, следует считать поездку в станицу Берды. Это была, пожалуй, наиболее результативная часть кратковременного визита. Пушкин смог увидеть станицу, вероятнее всего, такой же (или почти такой же) как и шестьдесят лет назад, дом Ситникова – знамени-

тый «царский дворец». И все же самым интересным было другое: в письме жене поэт сообщал о большой удаче, ибо он «нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою 1830 год» [Цит. по: 6, с. 206.]. Однако, умиляясь ее памяти, Пушкин совершенно не нуждался в сохранении в памяти своей ее имени – так она и осталась некоей «старухой в Берде». Считается, что фамилию «старухи» первым определил краевед, член ОУАК С.Н. Севастьянов – но он, рассказывая о своем недавнем общении с недавно переехавшей в Оренбург жительницей Берд Акулиной Блиновой (свидетельницей беседы Пушкина со «старухой») упоминал вслед за ней, как о само собой разумеющемся, что собеседница поэта – Бунтова [9, с. 161]. Имя Бунтовой появилось только в 1965 г., и предложил его оренбургский краевед, работник областного музея С.А. Попов – в 1969 г. в журнале «Советские архивы» вышла его статья «Оренбургские собеседники А. С. Пушкина» [3, с.113–116.]. Попов изучил находившиеся в государственном архиве Оренбургской области «ревизские сказки» 7-й и 8-й ревизий (1816 и 1834 гг.) и попытался очертить круг лиц, по возрасту подходивших одновременно и в собеседники Пушкину и в современники пугачевщины. Имя и отчество Бунтовой С.А. Попов взял из ревизской переписи населения Бердской слободы 1816 года. Конечно, народу в этих переписях перечислено было не так уж и много, потому вероятность угадать достаточно велика; но все же никак нельзя исключить совпадения. Кстати, в документах ревизии 1834 г. и других материалах С.А. Попов имени И.А. Бунтовой уже не обнаружил – хотя гарантировано известно, что собеседница Пушкина была тогда жива и здорова. Впрочем, увлеченные пушкинисты легко отбрасывали моменты, не вписывающиеся в схему. Так, например, Р. Овчинников – «по ряду косвенных примет» – определил, что отцом Бунтовой был нижеозерский казак Афанасий Бородулин. Проверка по духовным показала – в Нижнеозерной крепости в 1773 г. отмечены Бородулин, 26 лет, его жена 29 лет и дочери Ирина – 6-ти, и Мария – 4-х. Если принять, что по ревизской переписи 1816 года Ирине Бунтовой 55 лет (С. Попов), то получается, что в 1773 году ей было бы 13 лет. Тем не менее историк предлагал не верить документу: «вряд ли можно принять на веру запись духовной росписи», а отсутствие ее имени в ревизии 1834 г. – «ошибкой» [2, с.23–24]. Факт, что с Пушкиным разговаривала некая Бунтова. Факт, что в документах ревизии 1816 года по Бердской станице упомянута некая Ирина Афанасьевна Бунтова. Факт, что в последующих ревизиях ее в аналогичном документе нет. Факт, что в Нижнеозерной у некоего Афанасия Бородулина была дочка Ирина. Пожалуй, это все установленные факты. Но никак не факт, что указанные четыре позиции касаются одного и того же человека.

И об еще одном знаковом эпизоде – о рождении у Пушкина идеи «Ревизора», подаренной потом Гоголю. Существует распространенное утверждение, что связано это было с письмом-предупреждением оренбургскому губернатору графу Перовскому от нижегородского губернатора М.П. Бутурлина относительно Пушкина, как некоего тайного ревизора: «В Оренбурге Пушкин был гостем губернатора, графа Перовского, старого своего петербургского знакомого. Утром его разбудил смех хозяина. Перовский получил письмо от нижегородского губернатора, М.П. Бутурлина, и хохотал, читая его... Можно себе представить, как хохотал Пушкин, читая письмо Бутурлина. Он рассказал эту историю Гоголю, которому она пригодилась для «Ревизора»» [10, с.356–357.]. Между тем: вместе с Пушкиным письмо прийти не могло. У большинства рассказчиков присутствует разбудивший Пушкина смех Перовского относительно предупреждения. Технически это могли быть утра 19 и 20 сентября. Чтобы письмо попало к губернатору рано утром, нужно, чтобы оно пришло либо накануне, либо почтальон зачем-то ехал всю ночь. Почтовое сообщение было не ежедневным – Пушкин в письме жене от 14.09. 1833 г. упоминал, что почта на Оренбург «ходит четыре дня в неделю». Кроме того, дата письма Бутурлина четко установлена – 9 октября. Если принять приход письма заведомо после отъезда Пушкина из Оренбурга, то возникает угроза еще одной красивой литературоведческой легенде. Но есть рассказ местного, оренбургского происхождения, опубликованный в 1900 г., но не использованный должным образом пушкинистами. Вечером, накануне отъезда Пушкина из Оренбурга, Перовский дал прощальный обед, на который был приглашен цвет оренбургского общества: «Тут и показал Перовский Пушкину забавное донесение о нем бердских мудрецов, вызвавшее неудержимый смех присутствовавших и взрывы острот». Речь идет о смущении жителей Берд относительно приезда «чужого господина», «подбивавшего под «пугачевщину»», после чего в Оренбург были доставлена Бунтова и роковой уплаченный ей поэтом червонец. В. Даль, подтверждая эпизод, заключал: «Пушкин много тому смеялся» [9, с. 230.]. Но уже существующей легенде все было уже не актуально.

Подводя некоторый итог, отметим, что именно Пушкин по сути дела первым связно и хорошим языком изложил события пугачевщины – события, еще не ставшего для современников поэта чисто историей – поскольку были еще живы те, кто помнил кое-что из той поры, и одновременно имевшего налет тайны, поскольку указ о «забвении» никто не отменял. Кратковременный приезд Пушкина в Оренбург, как оказалось, дал краю немало. На наш взгляд, благодаря Пушкину, а еще точнее, его последующим произведениям, для всех россиян Оренбургский край тогда как бы вышел из небытия. Что о нем

знали в стране? Почти ничего; дикая окраина: «киргиз-кайсацкия орда» при Екатерине II, да «картинная Башкирия» и опять-таки «беспредельные степи киргиз-кайсацкие» в 1820-х годах [5]. А Александр Сергеевич все же показал, что «это» – уже Россия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Модестов Н.Н. Владимир Иванович Даль в Оренбурге. // Труды Оренбургской Ученой Архивной комиссии. Вып. XXVII. 1913.
2. Овчинников Р.В. За пушкинской строкой. Челябинск: ЮУКИ, 1988.
3. Попов С.А. Оренбургские собеседники А. С. Пушкина // Советские архивы. 1969. № 5.
4. Прянишников Н.Е. Писатели-классики в Оренбургском крае. Чкалов, 1956.
5. Свиньин П.П. Петр Михайлович Кудряшов, певец картинной Башкирии, быстрого Урала и беспредельных степей киргиз-кайсацких. // Отечественные записки. 1828. Ч. 35. № 100.
6. Смольников И.Ф. Путешествие А.С. Пушкина в Оренбургский край. М.: Мысль, 1991.
7. Смычка. 1926. 23 мая.
8. Соколов Д. Н. Оренбургские впечатления Пушкина и «Медный всадник» // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. XXIII – XXIV. Петроград, 1917.
9. Труды Оренбургской Ученой Архивной комиссии. 1900. Вып. VI.
10. Тыркова-Вильямс А.В. Жизнь Пушкина: в 2-х тт. Т. 2. 1824–1837. М.: Молодая гвардия, 1998 (Жизнь замечательных людей. Сер. биогр.).

DOSTOJEWSKI UND FREUD

Ulrich Schloos

Die Kultur ist wie ein Stück Land, das der Mensch den psychischen Sturmfluten in seinem Inneren abgerungen hat.

Mit der Sprache hat der Mensch dieses Land besiedelt und fruchtbar gemacht. Mit der Sprache hat er dieses Land immer wieder auch überflutet und verwüstet.

Fjodor Michailowitsch Dostojewski und Sigmund Freud haben sich mit Hilfe des Wortes auf die Suche begeben nach den Kräften im Inneren des Menschen, die so wundervoll aufbauen und gestalten und die so entsetzlich vernichten und zerstören können.